

то этот «краткий смысл» для него вполне ясен. Он знает: эти органы — это советы, и эта власть — власть Советов.

Но если так, если таков и Ваш ближайший идеал, то неужели Вы не видите, что ему противоречит Ваше «революционное» отрицание подлинной теперешней России и существующего в ней порядка? Неужели Вы не знаете, что единственный к нему путь — в приятии уже и нынешней советской власти и в общей с ней работе над общим преобразованием?

Не может быть. И я боюсь, что к Вам применимы слова другой моей статьи о тех, кто «знает, но молчит»... Не может быть, чтоб Вы не знали.

И если Вы знаете, но молчите, ибо не хотите признать себя ошибившимся и побежденным, — то это первый случай в Нашей жизни, когда логику реального политика убила логика упрямства.

Трагедия и современность (По поводу доклада Ф. А. Степпуна¹)

Печатается в дискуссионном порядке

Это было лет пять тому назад.

Москва, еще не выбитая окончательно из прежней колеи. Барский особняк на Смоленском бульваре. Зимний вечер.

Тот самый вечер, в который в Москву пришла первая весть о жуткой гибели Кокошкина и Шингарева².

Кто не был этой вестью потрясен?

И все же в особняке состоялся назначенный доклад на религиозно-философскую тему, и были прения, и произносились речи.

Ибо пред взором каждого развертывалась такая ширь грозных и величественных перспектив и вопросов, наряду с которой тускнела ценность человеческих жизней. Даже этих двух человеческих жизней...

И доклад, и следовавшие за ним речи диспутантов, хотя и поднимались на высоты отвлеченной метафизики, но неизбежно вновь спускались в гущу действительности и кружились около вопроса о значении только что грянувшей октябрьской бури.

И все, почти все, в том числе и Степпун, признавали случившееся хоть и катастрофой, но поверхностной и второстепенной. Думали и говорили, что Россия отряхнет ее с себя, как дождевые брызги.

И в том простом и легком движении, которое для такого результата нужно, видели естественный и неизбежный выход.

И только я один, в словах, прозвучавших резким диссонансом, говорил, что случилось не поверхностное, но глубинное и коренное. Бесповоротное и неустранимое. И потому — надо смело сказать правду — выхода нет...

И когда потом мы расходились, Степпун подошел ко мне и спросил:

— Так Вы думаете, что выхода нет?

— Да, выхода нет.

— Ну, мы с Вами еще встретимся, и я Вам докажу, что выход есть.

Нам не пришлось встретиться с тех пор.

И с тех пор и он, и я передвинулись на пол окружности, как передвинулось все в русской жизни. С тех пор я увидал и почувствовал, что выход есть. Ибо то, что случилось, было не катастрофой, но обновлением. Не злом, а благом. Не гибелью, а спасением. Выходом был — сам октябрь.

А. Степпун от своего прежнего, слегка метафизического оптимизма пришел к утверждению абсолютной безвыходности из трагедии, пережитой Россией.

* * *

Правда, Степпун говорит, что выход есть. Но то, что он называет выходом, есть не выход, а уход. Уход от мира подлинной действительности к раскопкам в собственной душе, от смелого плаванья в море событий к вознесению на иллюзорные облака художественного вымысла, а может быть, к погружению на дно гражданского небытия.

«Выход Степпуна» — это не какое-либо реальное преобразование реальной жизни. Нет. Он зовет только лишь к преобразению собственного духа каждого индивидуального «я». В этом он видит единственный положительный результат, единственный смысл совершившегося. И только в этом — единственный «выход».

В такой концепции психологически нет ничего нового. Во все времена и во всех странах — люди, душе которых был чужд полет свершающихся пред их глазами действительных событий, которым было больно и неудобно от стремительного темпа и мощного размаха этих событий, спасались от них в замкнутом мире собственных переживаний. Это всегда было и всегда остается только лишь духовным отшельничеством, аскетическим бегством от жизни. Только лишь, не больше.

И потому теперешний мнимый «выход» Степпуна есть тоже только лишь взволнованное бегство. Степпун и ему подобные — не строители нового мира, а только беженцы. Бегством можно спастись, но творить при помощи бегства — невозможно.

Степпун, однако не просто бежит, но пытается оправдать свое бегство. Оправдать тем, что «жизнь, изживаемая нами изо дня в день, не есть подлинная жизнь вовсе».

Но и это не ново. Всегда я всюду люди, побежденные жизнью, старались прикрыть свое поражение разжалованием победителя в призраки. Как будто пасть в борьбе против ветряных мельниц — почетнее, чем гибель в бою с противником, облеченным в плоть и кровь!..

Да, и самое это утверждение Степпуна в его устах далеко не так страшно, как может иному показаться. Ибо, если всмотреться в него пристальнее, то окажется, что Степпун не отрицает «онтологической» реальности жизни, а только лишь отвергает духовную ценность ее будничных, мещанских форм. И наоборот — жизнь, поднявшаяся до трагических высот, и есть, по его мнению, самая подлинная и самая ценная реальность. И это, конечно, несомненный реализм, ибо самой подлинной объявляется именно та форма жизни, в которой ее основные стремления и свойства достигают своего наивысшего напряжения и роста.

* * *

Итак, трагическая жизнь есть подлинная жизнь, и потому и война, и революции суть выявления этой подлинности, ибо они, как говорит Степпун, трагичны.

В этих словах — великая правда. Правда» скрытая не столько в их непосредственном содержании, сколько в указываемых ими путях познания. А пути эти — приложение и к войне, и к революции не обывательского сантиметра, но трагической меры. Правда в том, что не-воин может понять войну, а не-революционер понять ж принять революцию только лишь подойдя к ним с трагическим масштабом.

Для обывателя этот путь закрыт. Да, ведь, обыватель готов и на эсхиловского Прометея посмотреть лишь с точки зрения Уложения о наказаниях, а софокловскую Антигону расценить по статьям свода законов гражданских, раздела о правах и обязанностях семейных.

Но мыслитель, историк» политик и, наконец, гражданин могут и обязаны подойти к вопросу по иному. Однако, для того, чтобы под-

ход с трагическим масштабом был сделан верно, надо предварительно правильно ответить на вопрос, в чем сущность трагедии?

На этот вопрос Степпун правильного ответа не имеет. И в этом — основной порок его суждений.

Для него сущность трагедии — в антиномии между личностью и космосом, в невозможности для ограниченного индивидуального «я» вместить в себя полноту бесконечности, в рождающемся отсюда столкновении, в обусловленной этим противоречием изначальной вине всякого трагического «героя». И оттого-заранее виновна, заранее осуждена и революция...

В этой теории отсутствует самое важное, — в ней не захвачена истинная живая душа всякой трагедии. В разных вариациях эта теория пропутешествовала от Аристотеля до наших дней, — но она была всегда не более, как чересчур широким обобщением выводов, полученных из анализа топических сюжетов греческой античной драмы. И именно из анализа сюжетов, а не внутренней сущности классической трагедии.

Столкновение индивида с целым есть только частный случай, только одно из проявлений трагического.

Сущность же трагедии — в безысходности столкновения двух ценностей, все равно каких: личности и общества, права и морали, заветов прошлого и потребностей будущего.

Где нет ценностей, там столкновение неизбежно вырождается просто в фарс. Там, где ценное столкнулось бы с недооценённым трагедии быть не может, вот там моральная проблема решается без колебаний: неценное должно уступить. И если оно не уступает, а даже побеждает — это может быть несправедливостью, трогательную драмою, но это — не трагедия. И трагедия только там, и она всегда там, где обе борющиеся силы вправе одинаково претендовать на признание, обе заслуживают жизни, — и все-таки одна из них неминуемо должна погибнуть во имя другой. Эта неминуемость также должна быть на линии. Иначе снова нет трагедии, ибо возможно примирение, мещанский компромисс.

* * *

Вот почему война может быть не просто «бойней», а трагедией. Ибо хотя она несет много ценностей, бесконечно дорогих и близких нашей душе, но делает она ради других, не меньших ценностей. Она разрушает человеческий быт, уничтожает человеческие жизни,

искажает нравственное чувство и рушит в прах плоды терпеливого труда многих поколений, — но делает это ради блага государства.

И если теперь мы все брезгливо отвернулось от недавнего пятилетнего кошмара, то не потому, что эта война, как и всякая, несла с собою смерть и гибель. А потому, что она несла только смерть и гибель. Потому что ценности, которым она клялась служить, оказались намеренною ложью, лицемерным ханжеством, обманом, ловко пущенным в среду народов международной денежной мошной.

Но когда война ведется во имя подлинных ценностей общественного бытия, мы ее примем. Примем всю целиком. Не только трубный марш победы и шелест торжествующих знамен, — но и дымящуюся кровь, стоны недобитых, искалеченных людей и искалеченную жизнь. Ибо так надо, и... и нельзя иначе.

И только лишь при подобном же подходе можно понять и революцию.

Для Бердяева, например, революция нисколько не трагична. Ибо для него она только разрушение ценностей. Не «во имя» чего либо, а лишь «в возмездие» за прошлые грехи.

Но для тех, кто понял, что революция есть грозная борьба за осуществление новых ценностей новой жизни, становится понятной и трагическая сущность революции, и ее великая историческая роль.

Да, революция разрушает ценности. Да, гибнут человеческие жизни, ломаются устои, распадаются скрепы, льется кровь... Но и нельзя иначе. Нельзя, ибо революция есть трагедия, а всякое трагическое столкновение — безвыходно. Одна из ценностей должна погибнуть. Могло быть или освобождение и выход к новой жизни — или было истощение в болоте ветхих форм. Третьего не было дано, и другого выбора не было. Или гибель всего грядущего, или гибель всего прошедшего.

Победила революция. Но это победа только в том сладеньком апофеозе, который снится революционным вегетарианцам! Эта победа живет в процессе своего осуществления, который тянется через все акт трагической пьесы. От первого гула по; земных громов, через жестокую кровавую борьбу, к устройению нового порядка. Нельзя отделять одно от другого, ибо все это вместе — единый и целостный исторический организм.

Революцию, как и войну, можно принять или отвергнуть только целиком. Со всеми ужасами, со всеми неминуемыми скользкими местами, со всеми лохмотьями нужды и следами неизбежных пятен. Капризная придирчивость ведет здесь к таким же результатам, как у невесты из крыловской басни. Красного жениха можно принять или отвергнуть, но немислимо его перед браком переделать. И те, кто

ждут, пока переменится его походка или суровая складка рта, останутся навеки в старых девах...

Обыватель, конечно, в ужасе. Для него, ведь, не существует других ценностей, кроме его разбитого чайного сервиза...

Но мы идем навстречу новой жизни. Той жизни, ценности которой рождаются и частично родились уже в огне и муках революции. Кто их не видит — слеп. И как рассказать вечно слепому о прелести ярких красок и блеске солнечных лучей?

* * *

Но тот, кто видит, знает.

Знает, что на развалинах бывшего строится новый мир. Знает, что боа разрушения творчество было невозможно. Знает и то, что пока не будет кончена постройка, на прекратятся резкие удары революции по призракам минувшего, встающим из могилы, чтобы смущать покой и труд живых.

И те, кто революцию по истинному понял и по истинному принял, те отдали ей душу свою.

Не ради черных знамен трагической музыки, как говорил Степун, а ради багряного знамени зари грядущего.

В этом — их радость. Ибо в этом — Россия.

Патриоты наизнанку

Демократы русского Парижа шумно негодуют ныне на поведение «национального комитета». Поведение, действительно, не из похвальных. Люди, бряцающие именем национализма, поехали в Лозанну ради попытки нанести губительный удар своей стране. Поехали, дабы убедить французов в необходимости, совместно с Англией, обессилить и связать Россию на Ближнем Востоке и на Черном море. В качестве благородного мотива щеголяет, конечно, борьба против советской власти. Борьба — за счет России...

Демократы негодуют. Нет спору, это негодование — справедливо. Но позволительно спросить: многим ли сами негодующие лучше?

Ответ едва ли может быть благоприятным. Лозаннская проделка патриотов монархической реакции — только повторение той поли-